

Эмма Рудкевич

Измена мужа.
Ты заплатил любовнице
акциями
за моё уничтожение!

Эмма Рудкевич

**Измена мужа. Ты заплатил
любовнице акциями
за моё уничтожение!**

«Автор»

2026

Рудкевич Э.

Измена мужа. Ты заплатил любовнице акциями за моё уничтожение! / Э. Рудкевич — «Автор», 2026

Я вернулась из командировки и услышала на телефоне мужа чужой женский голос. Максим назвал меня параноичкой. А вскоре предъявил переписку, доказывающую уже мою измену. Только я никогда не писала этих сообщений! Муж готовил развод, собирался объявить меня сумасшедшей и отобрать компанию, которую мы строили вместе. Но настоящую правду я узнала позже. У Максима есть ребёнок от любовницы! А за моё уничтожение ей обещаны акции стоимостью в десятки миллионов! Они уже делили мой бизнес. Забыв одну мелочь. Алгоритм, на котором держится компания, принадлежит мне. Теперь предателям придётся заплатить. И бывший муж узнает, сколько на самом деле стоит его доля.

© Рудкевич Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Эмма Рудкевич

Измена мужа. Ты заплатил любовнице акциями за моё уничтожение!

Глава 1

Такси остановилось у нашего дома в центре раньше, чем я планировала. Вечерний ужин с командой отменили. Рейс задержали на два часа, но я всё равно оказалась здесь, в тишине собственной прихожей, в три часа дня. Я даже не предупредила Максима. Хотела сюрприза. Хотела почувствовать себя не соосновательницей финтех-стартапа, а просто женой, которая скучала по запаху родного дома — кедра, кофе и чего-то неуловимо «нас».

Сумка скользнула с плеча, ударившись о пол с глухим звуком. В доме было непривычно тихо. Не той уютной тишиной выходных, а зияющей пустотой. Я прошла гостиную, ожидая услышать шаги или голос из кабинета, но наткнулась лишь на холодный воздух кондиционера.

На столе в кабинете лежал телефон Максима. Экран светился тусклым голубоватым свечением. Это было странно. Он всегда убирал гаджеты в ящик стола, когда уходил на встречи, или носил их в кармане пиджака. А тут — брошенный посреди рабочего хаоса, как забытая перчатка.

Я подошла ближе. Телефон не успел заблокироваться; пальцы потянулись к устройству. На экране висело уведомление: «Входящий звонок. Пропущенный.» И ниже, мелким шрифтом, автоответчик. Я не знаю, почему я это сделала. Может, интуиция подсказывала, что что-то не так. Или мне просто хотелось прикоснуться к его жизни, пока он далеко. Я нажала кнопку воспроизведения.

Из динамика полился смех. Женский. Низкий, бархатный, с хрипотцой.

— Привет, Максик... Жду тебя в субботу. Не опаздывай, я буду ждать с шампанским.

Голос был чужим. Знакомым до боли в костях, но чужим. Сердце пропустило удар, потом забилось где-то в горле, отбивая ритм тревоги. Живот свело судорогой. Суббота? Мы должны были лететь в Лондон на конференцию. Других планов на выходные у нас не было. Насколько я помнила.

Дверь кабинета скрипнула. Я вздрогнула, чуть не выронив телефон. Максим стоял в проеме. Он не выглядел удивленным. Ни капли. Его лицо было маской спокойствия, даже раздражения — но не страха разоблачения. Раздражения от того, что меня «нашли» там, где я быть не должна была.

— Вера? Ты рано вернулась, — сказал он ровно. Голос был низким, обволакивающим.

Прежде чем я успела спросить, кто эта женщина, Максим сделал резкое движение. Он выхватил телефон из моих рук. Не аккуратно, а грубо, почти толкнув меня назад. Я отшатнулась, споткнувшись о ножку стула. Экран мигнул, и он быстро смахнул историю вызовов пальцем.

— Что ты делаешь?! — мой голос сорвался на визг. Я чувствовала, как кровь приливает к щекам, смешиваясь со стыдом.

Максим положил телефон в ящик и задвинул его. Щелчок замка прозвучал как выстрел.

— Ты опять за свое, Вера? — он вздохнул, потирая переносицу. — Это Елена. HR-директор. Мы обсуждали детали корпоратива для инвесторов. Она любит такие... провокационные формулировки. Ты же знаешь её стиль общения. Она шутит.

Он шагнул ко мне. Я ожидала оправданий, слез, мольбы. Но он просто обнял меня. Крепко. Слишком крепко. Его руки были ледяными и жесткими, как тиски. Он прижимал

меня к себе, и я чувствовала, как бьется его сердце — ровное, спокойное. Мое же колотилось так, что, казалось, вот-вот треснут ребра.

— Ты устала, — прошептал он мне в макушку. — Перелет, стресс, дедлайны. Тебе кажется, что все вокруг против нас. Но это не так. Я люблю тебя. Не порти наш вечер истериками.

Он отстранился, посмотрев мне в глаза. В его взгляде читался расчет. Холодный, деловой анализ ситуации. Я хотела возразить, кричать, что слышала интимность в том смехе, что слово «Шампанское» не звучит в рабочем чате. Но слова застряли в комке в горле.

Чтобы проверить его версию, я достала свой планшет.

— Покажи переписку, — потребовала я. — Если это работа, то где сообщения?

Максим усмехнулся, доставая свой второй телефон (рабочий, который он редко показывал). Он открыл мессенджер и развернул экран ко мне. Там действительно был диалог с Еленой. Короткие фразы, даты, время. Тон был официально-фамильярным. «Жду вас в субботу» там не было. Была фраза: «Уточните меню для субботнего мероприятия».

Это сбивало с толку. Переписка выглядела правдоподобно. Но запись автоответчика? Она была четкой, без искажений.

— Видишь? — Максим протянул мне кружку чая из чайника на тумбе. Ужин он, оказывается, уже заказал через приложение доставки; курьер должен был подъехать через десять минут. — Ты создаешь проблемы на пустом месте. Давай выпьем чай, примешь душ, и мы спокойно обсудим итоги командировки. Без драмы.

Я взяла чашку. Руки дрожали. Чай пах бергамотом, моим любимым запахом, но вкус казался металлическим, как кровь. Я смотрела на часы на запястье Максима. Они были новыми. Тяжелые, хромированные, с черным циферблатом. Те, что он хотел купить полгода назад, но я тогда сказала, что нам нужно экономить на ипотеку перед сделкой. Их сняли с производства? Нет, они стоили целое состояние. Где он взял деньги? Кто оплатил эту покупку?

— Позвони ей сейчас, — вдруг сказала я. Голос вышел тихим, но твердым. — Прямо при мне. Пусть скажет, что это была шутка.

Максим замер. Чашка чая дрогнула в его руке. Лицо исказилось, но не от обиды, а от гнева.

— Ты серьезно? Вера, это непрофессионально. Я не буду отвлекать своих сотрудников от работы, чтобы успокаивать твою паранойю. Если ты будешь вести себя как ревнивая истеричка перед советом директоров, они могут засомневаться в твоей адекватности. А нам нужны инвестиции.

Этот аргумент попал в цель. Страх показаться слабой, эмоциональной, «некомпетентной» женщиной в мире IT был сильнее подозрений в измене. Я опустила голову.

— Извини, — прошептала я.

— Все хорошо, — он снова обнял меня, поцеловав в висок. — Отдыхай. Завтра будет новый день.

Вечер прошел в странном ступоре. Максим ушел спать в гостевую комнату («чтобы я отдохнула», сказал он), а я осталась в нашей спальне, глядя в потолок. Тишина давила. Мне нужно было проверить хоть что-то. Любую деталь, которая подтвердила бы, что я не сумасшедшая.

Я вспомнила про облачное хранилище. Мы использовали один общий аккаунт для рабочих документов, но личные фото и заметки синхронизировались автоматически. Раньше я могла зайти в его профиль с моего устройства, если забывала пароль. Мы доверяли друг другу цифрово. Полностью.

Я взяла свой телефон, открыла браузер и попыталась войти в его облако.

«Неверный пароль.»

Я попробовала тот, который мы использовали годами.

«Неверный пароль.»

Сердце упало. Он изменил пароль. Когда? Почему? Я вспомнила неделю назад, как он просил меня «почистить память» на его старых устройствах «для оптимизации работы стартапа». Тогда это казалось безобидной технической просьбой. Теперь это выглядело как удаление следов. Как создание стены между нами.

Я лежала в темноте, чувствуя себя обнаженной перед ветром. Доверие, которое строилось десять лет, дало первую глубокую трещину. И я не могла понять, что именно сломалось: брак или реальность.

Утро началось с шума лифта и гула офиса. Я вошла в офис с каменной маской на лице. Коллеги здоровались, улыбались, обсуждали новые релизы. Мир продолжал вращаться, игнорируя мою внутреннюю катастрофу.

И тут я увидела Елену.

Она шла навстречу мне по коридору, в строгом деловом костюме, с папкой под мышкой. Она выглядела абсолютно естественно. Никакой вины, никакого смущения. Она увидела меня, улыбнулась широкой, дружелюбной улыбкой и подняла руку в приветствии.

— Доброе утро, Вера! Как командировка? — ее голос был бодрый, деловой.

Я остановилась. Меня накрыла волна унижения. Если бы она была любовницей, она бы избегала моего взгляда, нервничала, дергалась. Здесь — холодный профессионализм. Возможно, Максим прав. Возможно, я правда устала. Возможно, я действительно теряю рассудок, видя измену там, где есть только бизнес-процессы.

Елена прошла мимо меня. Наши плечи едва не соприкоснулись.

И тогда я почувствовала запах.

Знакомый «Chanel No.5» — парфюм, который Елена любила использовать на переговорах. Я обернулась. Вчера от телефона Максима пахло иначе: сладковато, с нотками сандала и пиона.

На телефоне остался чужой парфюм. Кто-то держал его в руках или стоял рядом с Максимом. Но запах не мог сказать мне, кто оставил сообщение на автоответчике.

Я посмотрела на свои пальцы. Накануне, когда я поднесла телефон к уху, запах был совсем близко. Сейчас я пыталась вспомнить его, отделить от парфюма Елены.

Если Елена носит другие духи, запах мог остаться от кого-то ещё. Или она сменила парфюм вечером? Я знала только её офисную привычку. Почему же Максим так торопился забрать телефон?

Но самое главное: голос на автоответчике. Я прокрутила его в памяти еще раз. Смех был живым, естественным. Но паузы... Паузы были слишком правильными. Слишком идеальными для живой речи. Синтезированный голос? Или запись, сделанная в условиях, где микрофон был направлен на конкретного человека?

Зачем это нужно? Чтобы дискредитировать меня перед мужем? Нет, это слишком сложно. Чтобы заставить меня уйти из бизнеса? Чтобы подписать отказ от авторских прав на алгоритм, пока я в состоянии эмоционального распада?

Это не измена сердца. Это атака на активы. Технологическая война, замаскированная под личную драму.

Я стояла посреди шумного офиса, чувствуя, как холодеют кончики пальцев. Впервые за десять лет брака я испытывала не ревность. Я испытывала ледяной страх. Страх перед тем, что мой муж знает о технологиях больше, чем я. Что он может создать фантом, который разрушит мою жизнь, оставив свои руки чистыми.

В голове щелкнуло, словно в автоответчике:

«Синхронизация данных завершена. Доступ закрыт».

Глава 2

Вечером я стояла посреди спальни, чувствуя, как холод от паркета ползет вверх по ногам, но внутри меня горело. Автоответчик. Голос. «Жду тебя в субботу». Эти слова выжглись на подкорке, заменяя собой всю память о наших десяти годах брака. Я ждала крика, оправданий, хотя бы удивления. Но Максим лишь тяжело вздохнул, бросил пиджак на кровать и достал из кармана телефон. Его пальцы — те, что я целовала утром, пахнущие дорогим табаком и спокойствием — уверенно скользнули по экрану.

— Вера, посмотри сюда, — сказал он мягко, почти с жалостью. Так говорят с ребенком, который испачкал платье шоколадом.

Он развернул телефон ко мне. На экране — переписка. Мой номер. Чужой адресат. И мои сообщения: «Не могу дождаться субботы», «Ты сводишь меня с ума», «Приезжай сейчас».

Мое сердце пропустило удар, а потом заколотилось где-то в горле. Интерфейс был знакомым, фразы — нет. Кто-то старательно изобразил мою переписку: мой номер, мои любимые многоточия. Но этих слов я не писала.

— Это подделка, — прошептала я, и голос дрогнул, предав меня. — Ты знаешь, что это подделка.

Максим убрал телефон и повернул регулятор настольной лампы. Свет ударил мне в глаза, заставив зажмуриться. Эффект допроса. Слепяющий белый свет в темной комнате.

— Ты меня душишь контролем, Вера, — произнес он ровно. — Я устал быть подозреваемым в собственном доме. Посмотри на себя. Твои руки трясутся. Ты не слышишь меня. Ты слышишь только свою паранойю.

В прихожей звякнули ключи. Максим даже не обернулся: видимо, ждал. Через несколько секунд дверь спальни приоткрылась. Елена. Новая HR-директор, чья улыбка всегда казалась мне слишком широкой для деловой встречи. Она вошла, держа в руках папку с документами, которые, по слухам, нужно было подписать еще вчера.

— Извините, что прерываю, — сказала она, глядя на меня поверх очков так, будто оценивала товар на витрине. — Просто хотела забрать отчеты. Макс, ты говорил, что Вере стало плохо? Может, стоит вызвать врача? Или... может, вам нужно время, чтобы остыть? Я подожду в коридоре.

Она не вышла. Она осталась стоять на пороге, демонстрируя идеальную синхронность с Максимом. Подтверждая его версию о моем «тяжелом характере», о моей истеричности, о том, что я — проблема, которую нужно решить.

— Уйди, — сказала я ей. Громко. Слишком громко.

Елена посмотрела на Максима. Тот лишь пожал плечами, давая понять: «видишь? Я предупреждал».

Я рванула к двери, желая выбежать из этой клетки, наполненной чужими духами и фальшивыми доказательствами. Но Максим перехватил мой взгляд. Не рукой. Словами.

— Если ты сейчас уйдешь, Вера, я напишу заявление о разводе прямо здесь. Прямо на этом столе. Ты хочешь потерять всё из-за своей ревности? Из-за иллюзий?

Я замерла. Рука на дверной ручке окаменела. Заявление о разводе. Раздел имущества. Ипотека в центре Москвы, которую мы брали вместе. Доля в стартапе, которая зависела от нашего партнерства. Потерять всё. За один шаг.

— Ты блефуешь, — выдохнула я, но внутри все рухнуло.

— Проверь, — ответил он. Холодно. Без эмоций.

Я вернулась. Не потому что поверила ему. А потому что поняла: он держит нож у моего горла через юридические угрозы. Это не муж. Это партнер, который нашел способ убрать конкурента из игры.

— Мне нужны логи устройств, с которых получены эти скриншоты, — потребовала я, стараясь говорить деловито, как на совете директоров. — Дай доступ к твоему ноутбуку и телефону. Я должна проверить время отправки этих сообщений. Метаданные не врут.

Максим усмехнулся. Сел в кресло, закинув ногу на ногу. Поза абсолютного хозяина положения.

— Полицейское государство в браке? Seriously, Вера? Нет. Я не дам тебе рыться в моей жизни. Вместо этого давай сделаем нормальный шаг. Семейный психолог. Или... — он сделал паузу, наслаждаясь моим напряжением, — Корпоративный ретрит. Совет директоров будет там. Мы можем «работать над отношениями» на глазах у инвесторов. Показать им, что основатели едины. Что нет никаких проблем. Только усталость.

Ретрит. Изоляция. Публичное унижение. Они хотят представить меня неадекватной перед теми, кто решает судьбу компании. Чтобы они не слушали мои возражения, когда я начну копать.

— Хорошо, — согласилась я. — Но сначала я позвоню своему юристу. Просто чтобы узнать, каковы последствия твоего «блефа».

Я схватила свой телефон. Нажала на контакт «Илья». Экран залип. Черные пиксели ползли по дисплею, как гниль. Я перезагрузила аппарат. Ничего. Сигнал исчез. Полностью. Даже Wi-Fi показал пустые кружки.

Максим наблюдал за этим с тихим удовлетворением. Он встал, прошел к столу, налил мне чая. Пар от кружки поднимался тонкими струйками.

— Видишь? — спросил он, ставя кружку передо мной. — Даже технологии на моей стороне. Может, вселенная подсказывает тебе успокоиться? Перестать искать то, чего нет?

Я взяла кружку. Чай пах бергамотом и чем-то еще. Чем-то цветочным, сладким и навязчивым. Духи Елены. Она всё ещё стояла у двери; запах долетал до меня поверх чайного пара. Теперь она была не только в офисе. Она была в спальне. В воздухе, которым я дышала. Это не измена. Это маркер власти. Даже чай, который он подал, я больше не могла спокойно пить.

После ухода Елены ночь прошла в кошмаре. Я лежала в темноте, прислушиваясь к каждому шороху. Максим сидел рядом на кровати, повернувшись ко мне спиной. Но свет от монитора его ноутбука бил мне в лицо. Клавиши стучали ритмично, как метроном. Он не спал. Работал — или играл роль занятого человека, чтобы я не сомкнула глаз.

Когда я наконец задремала, из окна потянуло холодом. Запах духов стал резче. Я открыла глаза. Максим стоял у окна, куря электронную сигарету, хотя дома было запрещено. Синий дым клубился вокруг него, как аура.

Утро било по вискам тупой болью. Я выползла на кухню, шатаясь, как после запоя. Максим уже был там. Свежий, бодрый, в идеально отглаженной рубашке. Он жарил яйца. Шипение масла резало уши.

— Ты выглядишь ужасно, Вера, — констатировал он, не оборачиваясь. — Давай я отвезу тебя к врачу? Или после офиса сразу на ретрит? Совет директоров ждет нас через час. Им важно видеть нас вместе. Едиными.

Я посмотрела на его отражение в окне кухни. Солнце било прямо в стекло, и я видела не любящего мужа. Я видела хищника. Зверя, который только что съел мою волю, мои нервы, мою интуицию. Он оставил от меня только оболочку, послушную и затравленную.

И вдруг все сложилось. Фейковая переписка. Блокировка связи. Давление со стороны Елены. Ретрит. Ему не нужны доказательства того, что я лгу. Ему нужно мое согласие. Мое молчание. Моя подпись.

«Доказательства» были приманкой. Ловушкой, в которой я сама себя обвинила. Он не хотел вернуть меня. Он хотел, чтобы я отказалась от прав. От авторских прав на алгоритм. От доли. От голоса.

Я больше не жертва обмана. Я — объект поглощения.

Максим улыбнулся мне той улыбкой, которую я видела на фотографиях в глянцевых журналах про успешных стартаперов. Улыбкой человека, который уже подписал контракт на мою голову.

— Садись, Вера, — сказал он, ставя передо мной кружку кофе. Крепкого, черного, горького. — Нам нужно обсудить твою подпись под протоколом разногласий.

Глава 3

Переговорная комната пахла стерильным холодом и чужим кофе. Я вошла ровно в десять утра, как всегда, но пространство вокруг меня сжалось до размеров почтовой марки. Моё место — торцовое, напротив проектора — исчезло. Вместо него у стены стоял одинокий стул, придвинутый вплотную к колонке отопления.

Коллеги не смотрели на меня. Глеб, наш CFO, изучал свои часы. Дима из продуктового отдела вдруг заинтересовался пятном на галстуке. Тишина была громче любого крика. Это было стирание личности через игнорирование.

Я не стала спорить. Не стала требовать объяснений. Просто села на этот стул, чувствуя, как холодный металл обжигает спину сквозь тонкую ткань блузки. В голове щелкнул переключатель: «эмоции выключены, данные включены». Я достала блокнот и начала записывать время прихода каждого участника совета директоров. Точность до секунды. Если они хотят видеть во мне истеричку, я стану для них зеркалом их собственной паранойи.

— Коллеги, — голос Елены прозвучал мягко, почти интимно. Она встала у экрана, поправляя прядь идеально уложенных волос. — Сегодня я хочу представить новую стратегию борьбы с выгоранием команды. Мы все знаем, что стресс — это не враг, а ресурс, если подойти к нему... мягко.

Меня ударило так, будто кто-то плеснул ледяной водой в лицо. «Выгорание требует мягкого подхода». Эти слова Максим сказал мне три месяца назад, когда мы обсуждали реорганизацию отделов после ночного релиза. Мы сидели на кухне, он гладил мою шею и говорил это тихо, только для меня. А теперь Елена произносила их перед всем советом, глядя прямо на меня с сочувственной улыбкой хищника, который знает, что жертва уже загнана.

Даже наш кухонный разговор стал материалом для её презентации. Моя кровь вскипела, пальцы побелели на ручке. Но я не перебила её. Только сделала пометку в блокноте, подчеркнув слово «домашний сервер» двойной чертой. Максим мог сам пересказать ей наш разговор. Но если они копировали переписку, нужно было проверить и записи: кто имел доступ к домашнему серверу и общему облаку, пока я считала их личным пространством?

Когда Елена закончила презентацию, наступила пауза. Глеб откашлялся.

— Вера, — он обратился ко мне с подчеркнутой официальностью, хотя раньше всегда улыбался. — Перед подписанием сделки с «ФинГлобалом» инвесторы задают вопросы о стабильности руководства. Нам поступают сигналы... скажем так, эмоциональные. Есть слухи о твоих недавних звонках мужу. О том, что ты устраиваешь сцены ревности посреди ночи. Совет хочет убедиться, что мы имеем дело с партнером, способным держать удар, а не с человеком, которому нужна помощь.

Это было прямое обвинение в профнепригодности, завернутое в целлофан заботы. Они использовали те фейковые скриншоты, что Максим показал им как доказательство моей «параноидальной нестабильности». Я видела, как некоторые коллеги отвели глаза, чувствуя неловкость от того, что участвуют в травле.

Я подняла взгляд. Медленно. Так, чтобы мои глаза встретились с глазами Глеба.

— Мой ARR вырос на четырнадцать процентов за квартал, — сказала я сухо, без единой лишней ноты в голосе. — Ликвидность компании позволяет нам закрыть сделку в срок. Мои личные эмоции не влияют на метрики сервера, Глеб. Стабильность руководства измеряется ростом выручки, а не тем, в каком настроении находится мой супруг.

В комнате стало тихо. Даже проектор жужжал тише. Я дала им цифру, факт, стену, которую невозможно пробить эмоциями. Они хотели унижения, а получили отчет.

После встречи я вышла в коридор. Голова раскалывалась, мир слегка плыл перед глазами. В лифте, когда двери начали закрываться, внутрь проскочил Антон, младший разработчик из

моего бывшего пула. Раньше он носил мне кофе и спрашивал советов по архитектуре микросервисов. Сейчас он замер, увидев меня. Его лицо исказилось смущением и страхом.

— Извините, — пробормотал он, глядя в пол. — Мне сказали... что вы сейчас не в ресурсе. Что лучше не тревожить.

Он хотел сказать «ты сумасшедшая», но выбрал более безопасную формулировку. Слухи расползлись среди линейного персонала быстрее вируса. Меня изолировали и наверху, и внизу. Чтобы никто не мог свидетельствовать в мою пользу.

Я шагнула ближе, нарушая дистанцию, которую он пытался сохранить. Резко схватила его за рукав куртки. Ткань хрустнула под моими пальцами. Антон вздрогнул, побледнев.

— Кто именно сказал? — спросила я тихо, но жестко. Звук моего голоса в тесной кабине лифта звучал как выстрел. — Имя или должность?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.